

Елизавета Николаевна Водовозова

Из давно прошедшего

Елизавета Николаевна Водовозова

Из давно прошедшего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22806425

Аннотация

«Дело было во время крепостного права, за несколько лет до освобождения крестьян. В июне месяце члены моей семьи получили от дяди Андрея Григорьевича самое родственное письмо, в котором он чрезвычайно усердно просил всех нас приехать к нему погостить и провести вместе с ним день его именин. За лет двадцать до этого он уже в преклонных годах женился на молодой, очень богатой женщине, но прожил с нею лишь несколько лет. После ее смерти на его руках осталась маленькая дочка Надя, которую дядя безумно любил...»

Елизавета Водовозова

Из давно прошедшего

Дело было во время крепостного права, за несколько лет до освобождения крестьян.

В июне месяце члены моей семьи получили от дяди Андрея Григорьевича¹ самое родственное письмо, в котором он чрезвычайно усердно просил всех нас приехать к нему погостить и провести вместе с ним день его именин. За лет двадцать до этого он уже в преклонных годах женился на молодой, очень богатой женщине, но прожил с нею лишь несколько лет. После ее смерти на его руках осталась маленькая дочка Надя, которую дядя безумно любил.

Мои сестры уже и раньше несколько раз гащивали у дяди и очень нравились как ему, так и своей кухне. Он прекрасно понимал, что его родные племянницы могут быть лишь наиболее желательными подругами для его дочери.

Матушка вполне верила в искренность желания дяди видеть всех нас у себя. Ей известно было, что Андрей Григорьевич очень любил, чтобы в торжественные праздники к нему приезжали его родственники, которых, кстати сказать, было очень немного: с его стороны только наша семья, а со стороны его покойной жены – престарелая тетка, после смерти которой Наде должно было перейти по завещанию ее громад-

---

¹ Речь идет о брате отца Е. Н. Водовозовой А. Г. Цевловском.

ное состояние.

Андрей Григорьевич весьма ценил, когда кто-нибудь как в день его именин, так и в дни тезоименитств его дочери и в большие праздники преподносил Наде в подарок какой-нибудь пустячок. Соседи-помещики, желая расположить его к себе или войти с ним в какие-нибудь деловые отношения, выписывали для Нади из Петербурга и Москвы конфеты в дорогих бонбоньерках, туалетные принадлежности, пудами доставляли ей вяземские пряники, так как она была большая лакомка. Но она была слишком избалована, чтобы ценить что бы то ни было, тем более что все подобные подарки были в одном и том же роде, и она совершенно равнодушно принимала их. Дядя же был всегда в восторге от этих преподношений, объясняя их любовью к его дочери, чем он дорожил более всего на свете. Соседки-помещицы все же проявляли изредка изобретательность в этом отношении. Однажды, когда Надя была еще небольшой девочкой, одна помещица заказала к пасхе столяру громадное деревянное яйцо, приказала просверлить его мелкими дырочками, вложила в него крошечного белого ягненка, искусно убранного голубыми ленточками и шелковинками, и в первый день праздника положила этот подарок в постель к ногам ребенка. Проснувшись, девочка внимательно смотрела на яйцо, которое покачивалось из стороны в сторону, но когда оно покатилося по постели, она схватила и раскрыла его. Ягненок выпал на ее колени. Ее восторгу не было конца. Она, конечно, в лю-

бое время могла взять из имения отца сколько угодно подобных животных, но красиво убранный ягненок, подаренный ей, по ее мнению, был особенно привлекателен. Она носилась с ним несколько дней, а затем его постигла участь всех подарков: Надя или забрасывала их куда-нибудь, или сама не знала, куда они исчезли. Что же касается соседки, которая была мелкопоместною помещицею, то она в благодарность за свой оригинальный подарок получила полосу земли: она несколько лет добивалась купить ее у дяди, но раньше этого инцидента он наотрез отказывал ей в этом.

После этого случая явилось много подражательниц: одна барыня преподнесла яйцо со щенком, другая с котенком, третья с голубем, но это не только не доставляло девочке удовольствия, но даже раздражало ее. Ее отец приказал дворовым людям говорить всем, чтобы его дочери никто не смел более делать подобных подарков.

Как только было получено моею семьею приглашение от дяди, матушка немедленно отвечала ему, что мы можем выехать недели через полторы. Она находила необходимым посетить старика потому, что он был искренне расположен к нам. К тому же эта поездка развлечет моих сестер, а мне перед отъездом в институт доставит лишнее приятное воспоминание о деревне, и я увижу много не виданных мною вещей, так как дядя устраивает у себя в такие дни великое торжество: к нему съезжаются все помещики Калужской губернии с своими женами и домочадцами; устроено будет и мно-

жество разнообразных увеселений.

Мои сестры начали волноваться при мысли, что бы им подарить кузине: Денег у матери, по обыкновению, не было, кроме очень скромной суммы, которую она по грошам собрала, чтобы всей семьей отправиться в Петербург для определения меня в Смольный институт. А если бы они и были, то в нашем захолустье ничего нельзя было купить. Решено было пересмотреть все имеющиеся у нас в запасе вышивки гладью, сработанные руками крепостных девушек. Но матушка при этом справедливо заметила, что хотя наши вышивки, может быть, и очень красивы, но что у Нади, вероятно, существуют такие вышитые платья, о прелести которых никто из нас не может даже составить себе ни малейшего представления. Тогда моя сестра Саша вдруг что-то вспомнила, выскочила из комнаты и скоро внесла картонку, наполненную чудными мелкими искусственными цветами, полученными ею в подарок от пансионской француженки, которая была необыкновенно талантливою в этом искусстве и обучалась ему в Париже. Сестры решили убрать все платье кузины, которое они преподнесут ей, этими цветами, и матушка утверждала, что теперь наш подарок, пожалуй, окажется наилучшим.

Дядя прислал за нами превосходный дормез, запряженный четырьмя лошадьми: внутренность его была обита кожей, а дно устлано высокими, мягкими перинами и подушками, покрытыми тонкими простынями, обшитыми велико-

лепными кружевами. Для нашего услаждения во время путешествия мы получили от него же большой ящик со всевозможными вкусными вещами, приготовленными дядиным превосходным поваром.

Стояла прекрасная летняя погода, и мы ехали не торопясь: в самую жаркую пору дня мы по нескольку часов останавливались на станциях для кормежки лошадей и для отдыха, но в комнаты не входили даже по ночам, а спали на открытом воздухе в чрезвычайно удобном экипаже. Приехали мы на пятый день путешествия в имение дяди, находившееся в нескольких верстах от города Жиздры, Калужской губернии. Хотя вся семья Андрея Григорьевича в это время состояла из него и его шестнадцатилетней дочери Нади, но громадный и роскошный дом его с флигелями и множеством пристроек кишел обитателями: у кухни был большой штат учителей, учительниц и компаньенок разных национальностей; для каждого и каждой из них было отведено особое помещение в одну или две комнаты.

Мы приехали за два дня до торжества. Я находила большое удовольствие бегать по анфиладе комнат, убранных с роскошью, до тех пор мне совершенно незнакомою, и смотреть на приготовления. Отовсюду раздавались шум, стук молотков, сновали рабочие, мастеровившие на полу что-то вроде помоста для театральных представлений, в которых Надя должна была играть главную роль: устанавливали фортепьяно, на котором она же должна была исполнить какоу-то

увертюру в четыре руки с одним из своих учителей-иностранцев, арфу, на которой она должна была играть под аккомпанемент своего пения. К стенам этой громадной залы прибивали белоснежные простыни с прикрепленными на них зелеными ветками и листьями деревьев, а живые цветы между ними приказано было приколоть рано утром в день торжества, чтобы они блестели своею свежестью. Но меня еще более интересовала другая комната, в которую то и дело вносили какие-то корзины. Я осторожно стала пробираться в нее, оглядываясь во все стороны. Но тут меня увидела Надя, схватила за руку и, войдя со мною в «сортировочную», сказала экономке, чтобы мне подали стул, столик и поднос и чтобы при распаковке разных угощений мне наложили бы побольше всего, что мне понравится. Затем она убежала сию же минуту. Скоро на моем подносе образовалась целая гора. Но тут в комнату вбежала сестра Саша, взяла тарелку, положила на нее несколько конфет и фруктов и, взяв поднос, на котором уже лежали горы всевозможных вкусных вещей, поставила ее перед экономкою; меня же за руку она потащила из комнаты. Когда дверь за нами затворилась, она сказала мне: «Ты больше этого ничего не съешь. Не хватает еще, чтобы ты здесь расхворалась от обжорства. К тому же совсем непристойно выносить из „сортировочной“ целые подносы. Ведь над тобою будет издеваться вся прислуга». Хотя я оправдывалась тем, что сама Надя так распорядилась, но сестра, не обращая на это внимания, ввела меня в одну

из комнат, предназначенных для нас, и ушла. Очень мне не понравилось ее вмешательство в распоряжение кухни, но делать было нечего. Когда все было съедено, я отправилась отыскивать сестер и кухню и нашла их в ее роскошном будуаре. Сестры с помощью нескольких портних и горничных примеряли Наде те платья, которые она должна одеть в разных актах той или другой пьесы, в которой она принимала участие. Примеряли и платье – подарок нашей семьи, украшенное цветами: оно чрезвычайно понравилось ей, и она решила одеть его во время самого бала, которым должны будут закончиться все представления и характерные танцы.

Рассмотрев и потрогав всевозможные флакончики на туалете кухни, я то и дело вскрикивала: «Какая прелесть!» Наде, даже тогда, когда в самый трудный момент таинства примерки не могла повернуть ко мне голову, каждый раз кричала мне: «Бери, бери все, что тебе понравится! Ставь все на окно, я потом велю отнести в твою комнату». Я уже с восторгом начала все это приводить в исполнение, когда Саша резко схватила меня за руку, притянула к окну, выхватила у меня из рук флакон, который я облюбовала, и, нагибаясь ко мне, настойчиво произнесла: «Не смей трогать здесь ни одной вещи... Не смей выражать своих восторгов!»

Кухня, занятая примеркою своих туалетов у другой стены своей большой комнаты, не совсем расслышала наш разговор и спросила:

– Что, девочке скучно?

– Да, – отвечала за меня сестра, – я ее отведу в залу к рабочим. Нам она мешает! А там ей будет на что посмотреть.

– Нет, нет, Шурочка... Отведи ее в мою прежнюю детскую: там до сих пор осталось много моих прежних игрушек. Пусть возьмет все, что ей понравится. Я велю все это запаковать в корзину, и вы возьмете с собой, когда будете возвращаться домой.

Шурка опять потащила меня по коридору, но когда мы вошли в детскую, она строго сказала: «Ты можешь здесь все рассматривать, даже играть с тем, что тебе понравится, но ничего ты с собой не возьмешь, – мы не нищие, чтобы вывозить корзинами вещи из богатого дома».

Я рассеянно слушала наставления сестры, но, прежде чем она успела выйти, мое внимание привлек очень длинный ящик на одной из полок, прикрепленных на трех стенах комнаты, на которых были расставлены прежние игрушки Нади. Среди них было много больших и малых ящиков, но еще больше стояло различных домиков, замков, зверей. Меня почему-то более всего заинтересовал самый длинный ящик. Подставить стул и вытянуть его было для меня минутным делом. Когда я открыла картонку, меня поразила красота громадной величины куклы, роскошно разодетой.

Мне всегда казалось, что я так люблю мою сестру Сашу, что ради нее всегда сделаю все, что она только пожелает. Но такой соблазн был выше моих сил. И я, рыдая, начала выкрикивать, что эту куклу, как и все игрушки, подарила мне

сама кузина. Я же возьму домой только одну эту куклу.

Матушка, проходя по коридору, услышала мои вопли и вошла к нам. Узнав, в чем дело, она сказала:

– Уж этой твоей гордости, Шурочка, я совсем не понимаю. Отчего бы девочке не взять с собою все игрушки, которые ей подарены?

– Неужели, мамашенька, вы не будете конфузиться, когда за бедными родственниками при их отъезде десятков лакеев будут тащить корзинами добро их господ?

– А хотя бы и так! Так-таки и не буду конфузиться... Очень мне нужно утруждать свою голову таким вздором! И без того все знают, что мы не богачи, я не стыжусь этого... Впрочем, делай как хочешь! – И матушка махнула рукой, хлопнула дверью и вышла из комнаты.

Саша начала внушать мне, что игрушки не понадобятся мне более, так как через два месяца я отправляюсь в институт, что у меня с нею так много занятий перед институтскими экзаменами, что мне будет не до кукол. К тому же до нашего отъезда отсюда, следовательно более недели, я могу ежедневно приходить в эту комнату и играть всеми игрушками. Но меня это нисколько не утешило. Когда сестра ушла, я начала рассматривать другие игрушки, но не знала, как с ними обращаться, так как большинство было с заводным механизмом. Да меня уже ничто не прельщало после куклы. И чем более я на нее смотрела, тем сильнее охватывало меня отчаяние при мысли, что она могла бы мне принадлежать,

если бы не Саша, что с каждою минутою вызывало у меня все большую злобу против сестры. Я стала серьезно обдумывать, как бы устроить так, чтобы все-таки взять куклу с собою.

Настал день торжества. Дядюшка принимал поздравления только с двух часов дня. До этого времени к нему никто не должен был входить, даже его дочь. Но гости съезжались гораздо ранее. Лакей вводил их в гостиную, где занимала их Надя и где их угощали шоколадом, домашними тортами, пирожками, пирожными и печеньями, которые несколько лакеев разносили на огромных подносах.

Но вот раздается звонок. Это означает, что дядюшку внесли в приемную залу и что теперь к нему могут явиться с поздравлениями не только гости, но и служащие. Лакей с шумом раскрыл настежь двустворчатую дверь, и все торжественно и молча двинулись в нее. При входе в эту комнату у противоположной стены в великолепном кресле сидел дядя за небольшим столиком. Ноги его были покрыты пледом. Нужно заметить, что он в это время был уже древним стариком, с высохшим, как у мумии, желтым лицом, испещренным глубокими морщинами, с длинными белыми как лунь, редкими волосами, несколько подвитыми внизу, с сурово сдвинутыми густыми седыми бровями. Лицо его было без усов и бороды, с чисто выбритыми пергаментными Щеками. Дядя страдал какою-то неизлечимою болезнью желудка. Уже много лет он проводил свою жизнь в кровати или сидя в роскошном кресле, которое в губернии называли не ина-

че как тронем: оно обрамлено было слонового костью и инкрустациями и представляло собою не что иное, как замаскированное судно, без которого дядюшка ни минуты не мог обходиться при своей желудочной болезни. В карете, когда он изредка катался, тоже было устроено судно. Впереди всех стояла Надя, вся в белом, с светлыми буклями до пояса, и с букетом цветов в руках, то сверкая бриллиантами в длинных подвесках серег, то поблескивая своими красивыми синими глазками. Сзади нее стояли родственники, за ними – гости, гувернеры, гувернантки и учителя, а в дверях толпились домашние служащие. Зала была битком набита народом. Кто случайно входил позже других и попадал не на подобающее место, то есть слишком близко к столу, за которым восседал виновник торжества, тому кто-нибудь глазами указывал, где он должен стоять; все происходило в гробовом молчании. Так как я в первый раз попала в такую торжественную церемонию, то я с ужасом дернула матушку за юбку, а когда она ко мне наклонилась, я сказала ей на ухо, что мне страшно, и просила ее увести меня. Матушка чувствительно ткнула меня в спину и, тоже наклоняясь к моему уху, сказала: «Стой смирно!» – а затем, прикрывая рот платком от душившего ее смеха, взяла меня за руку и придвинула к себе. Про эту церемонию, как и про другие в таком же роде, она всегда говорила, что ее до слез смешат подобные затеи помещиков.

Когда все пришло в порядок, Надя еще ближе придвинулась к столу: она начала произносить на французском

языке какое-то поздравительное стихотворение, то потрясая рукою, в которой держала букет, то прижимая его к своему сердцу. Когда она окончила, то положила на стол букет и обняла отца. Он, в свою очередь, благодарил ее тоже на французском языке, но обращался не только к ней, но и к публике: слезы ручьями катились по его исхудалым щекам, а голос дрожал от волнения. Я опять дернула матушку за руку, а когда она наклонилась ко мне, я спросила ее: «Чего же он плачет?» Опять последовал еще более бесцеремонный толчок в спину, но уже без всякого словесного вразумления.

После речи отца Надя продекламировала одно за другим что-то по-немецки, по-английски и по-итальянски. Только по-русски не было произнесено ни слова. Вероятно, потому, что дядя заботился только о преподавании дочери иностранных языков, она однажды поразила меня, когда, лет через восемь после этого, написала мне по-русски невообразимо безграмотное письмо.

После Нади один за другим подходили родственники и гости, поздравляли дядю и его дочь, и большинство протягивало ей какой-нибудь подарок. Учителя и учительницы поздравляли на своем родном языке. Но вот перед столиком останавливается среднего роста француженка-компаньонка, которая только месяца полтора тому назад заменила прежнюю. На ее губах любезная улыбка, но она говорит что-то такое, что поражает дядю так, что у него трясутся руки и голова.

– Что вы сказали? – строгим голосом спрашивает он ее по-французски, особенно сурово сдвинув брови.

– Раздуй тебя горой, со всей твоей семьей! – повторяет она снова по-русски, но так выговаривает слова, что многие не поняли, на каком языке она говорит. Публика начала тихонько перешептываться между собою; у всех, как говорили потом мои сестры, вспоминая этот эпизод, лица выражали ужас, хотя в глазах светились радость и смех.

Дядя тут же потребовал, чтобы она сказала, кто ее выучил произнесенным ею словам, но она молчала и с удивлением поглядывала по сторонам. Тогда он попросил матушку расспросить ее об этом, а сам обратился к присутствующим с речью на французском языке, в которой он просил всех извинить его, что они сделались свидетелями такого возмутительного скандала. После этого дядюшку немедленно понесли в кресле в спальню отдохнуть перед обедом, а гости отправились закусывать в столовую, обсуждая случившееся. Несмотря на возмущение, какое выражалось ими при этом, все собравшиеся, видимо, были очень довольны происшедшим.

В крепостнические времена даже те немногие дворяне, которые жили, казалось, в ладу между собою, не питали друг к другу особенно дружелюбных чувств. Их однообразная семейная жизнь очень часто нарушалась несравненно более зазорными домашними дрязгами и непристойностями, чем только что случившееся, они и рады были, что не только у

них одних происходят скандалы, но даже и в таком солидном доме, как у Андрея Григорьевича. К тому же это происшествие надолго давало помещикам богатый матерьял для разговора при посещении друг друга, а он нередко оскудевал до того, что буквально не о чем было слова молвить, если бы не выручали состояние погоды и бедствия вроде недорода хлеба или мора на скот, а главное, картишки.

Матушка прежде всего объяснила француженке, какой смысл имеет ее приветствие. Та пришла в неопиcуемый ужас и отчаяние и показала лоскуток бумаги, на котором она французскими буквами записала русское приветствие, только что ею произнесенное, чтобы как можно тверже вызубрить его. Тот, кто научил ее этому, уверил ее, что это чрезвычайно понравится хозяину дома, который весьма ценит, когда иностранцы, для которых так труден русский язык, произносят на нем свои приветствия. Но назвать своего учителя она не желала: она поняла, что ему угрожает большая беда, и совесть запрещала ей указать на него. Но тут же в комнату матушки начали вбегать слуги и заявили, что обучил ее этому парикмахер-француз, который давно уже живет в России и хорошо говорит по-русски. Из всего, ими сказанного, легко было узнать следующее: этот парикмахер-цирюльник в последнее время несколько раз при бритье барина нечаянно оцарапал его бритвой. При этом дядюшка, не желая или не имея возможности по своей слабости подниматься с кресла, приказывал ему наклоняться к себе и награждал его опле-

ухой по той и другой щеке. А так как это случилось и с неделю тому назад, то барин объявил ему, что он, когда побреет его в именины и сделает прическу барышне, после окончания празднеств будет выдран на конюшне. Это так озлило парикмахера, что как только он сегодня окончил свое дело с барышнею и барином, так и пропал из дому, и вещи его тоже куда-то исчезли.

Матушка просила Надю отстоять у отца ни в чем не повинную француженку-компаньонку, но кухня моментально забыла свое обещание исполнить эту просьбу, и француженке было отказано на другой же день.

Этот инцидент не нарушил, однако, порядка увеселений: три дня сряду продолжались торжественные завтраки, обеды, а за ними шли спектакли, концерты и танцы под музыку оркестра, приглашенного из губернского города. Но на четвертый день гости, приехавшие из более отдаленных местностей, стали возвращаться восвояси.

Мое дело с куклою окончилось для меня большою неприятностью. Однажды Надя застала меня в своей детской, и я, воспользовавшись этим случаем, начала упрашивать ее, чтобы она уступила мне свою куклу только на время: когда я буду уезжать в институт, я возвращу ее ей. Мне казалось, что такого рода просьба сразу все уладит и не может возбудить неудовольствие Саши. Кухина очень удивилась и отвечала мне, что она подарила мне не только куклу, но и все свои игрушки. Тогда я рассказала ей, как и почему не желает

этого Саша. Надя позвала свою горничную и приказала ей, чтобы она в день нашего отъезда уложила куклу в деревянный ящик и раньше, чем мы сядем в экипаж, поставила бы его под сиденье.

Однако по возвращении домой моя хитрость была обнаружена, и мне пришлось рассказать сестре о своем разговоре с кузиной. Сестра чрезвычайно рассердилась на меня, но еще более огорчилась она на матушку, которой мой поступок казался только забавным, тогда как она считала его дурным и неблагоприятным.